

ТИМОФЕЙ СЕРГЕЙЦЕВ
ИСКАНДЕР ВАЛИТОВ
ДМИТРИЙ КУЛИКОВ

**РУССКИЕ
УРОКИ
ИСТОРИИ**

Дмитрий Куликов

Русские уроки истории

«Питер»

2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Куликов Д.

Русские уроки истории / Д. Куликов — «Питер», 2023

ISBN 978-5-00116-892-8

Первое самостоятельное издание текста 2013 года, в котором предсказан сценарий противостояния России и Запада, а также перспективы его развития. Книга существенно доработана и дополнена, прошла научное редактирование. История России рассматривается как одна из магистральных линий мировой и европейской истории. Судьбу русской цивилизации авторы видят на пути осуществляемого Россией фундаментального разрешения противоречий, лежащих в основаниях европейского развития. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00116-892-8

© Куликов Д., 2023

© Питер, 2023

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Русский вектор европейской истории	7
Время Обмана	10
Знание своей Судьбы	12
О «конце Истории»	15
Об оптимизме	16
На основной магистрали	17
Постмарксистский взгляд на историю	19
Часть 1	21
Урок 1. Наша религия	21
Христианская революция	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Тимофей Сергейцев, Искандер
Валитов, Дмитрий Куликов
Русские уроки истории**

© ООО Издательство «Питер», 2023

© Т. Сергейцев, И. Валитов, Д. Куликов, 2022

Предисловие

«Русский урок истории» был опубликован дважды – в 2013-м в альманахе «Однако»¹ и в 2016-м в составе сборника «Судьба империи»², первый раз – ещё до воссоединения Крыма с Россией, а второй раз – уже в период действия прекращённых ныне Минских соглашений.

«Русский урок» получил развитие в «Идеологии русской государственности»³, поэтому самые существенные идеи из неё мы включаем в дополненный и отредактированный текст, который теперь назван «Русские уроки истории». Вместе с тем «Русские уроки», как этюды философии русского исторического самоопределения, остаются, как было отмечено читателями, кратким и лаконичным изложением русской идеологии.

Что такое идеология? Это практически применяемое властью и социальным управлением социальное и гуманитарное *знание*. Как известно, позволить себе нерешённые вопросы может только теория. Практик обязан рисковать и *принимать решения*. Те основания, на которые он опирается, рискуя и решая, и есть идеология. В праве, медицине и военном деле она называется доктриной.

«Русские уроки» интересны, прежде всего, тем, что они сфокусированы на объяснении кажущегося парадокса: русская цивилизация самодостаточна и самостоятельна, но в то же время обладает тем же исходным корнем, что и западноевропейская, а также очевидным родством с последней. Что это значит и как такое возможно?

Ответу на этот вопрос посвящено развернутое Введение, ранее публиковавшееся в 2013 году и существенно переработанное для этого издания.

В книге две части. Первая – история ключевых процессов общественной практики, к которым мы оказались подключены. Это описание стартовых для нашей цивилизации ситуаций и введение в мир связанных с ними идей и их реализаций, взятых исторически. В этой части затрагиваются такие темы, как «религия», «история», «государство», «революция», «демократия», «социализм». Это набор, конечно, не полный, ключевых обстоятельств, которые определяют ход нашей жизни и нас самих, через которые намечается наш, русский план европейской судьбы.

Во второй части рассматривается геополитическая ситуация России: в каком силовом поле нам придётся прокладывать свой путь. Отстаивать своё право на историческое и цивилизационное творчество предстоит в условиях ожесточённой социальной борьбы с Западом, перерождающимся в анти-цивилизацию, в систему порабощения людей и лишения их жизни человеческого содержания, превращающимся из культуры и системы воспроизводства жизни в программу её разрушения и уничтожения. Запад считает, что их – более миллиарда особей, а нас в семь раз меньше. Что поэтому они нас задавят. И заберут всё, что им нужно. Что мы не имеем права на нашу землю и её богатства. Что мы должны быть рабами. История делает ещё один виток, нашествие повторяется в новом веке.

Тут-то и выясняется, что теперь вместе с нами ему готовы противостоять многие миллиарды людей – более половины населения Земли. Которые тоже хотят оставаться Людьми, а не быть рабами Запада. И всем нам очень нужен Русский Урок Истории.

---

¹ Сергейцев Т., Валитов И., Куликов Д. Русский урок истории // Однако, октябрь–ноябрь, 2013.

² Куликов Д., Сергейцев Т., Валитов И. Судьба империи. М.: Э, 2016. С. 7–251.

³ Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. СПб.: Питер, 2020; 2-е изд. – 2021. Далее – Идеология русской государственности, страницы указываются по 2-му изданию.

Введение

Русский вектор европейской истории

Эта книга представляет собой русский взгляд на историю европейской цивилизации **как на наши собственные цивилизацию и историю**. И на нас самих, как безусловных и ключевых участников этой истории – как в западном, так и в восточном её развитии, – во многом определивших европейскую судьбу и ответственных за это.

Мы понимаем европейскую цивилизацию широко – как подъём к высокой культуре и мировому влиянию народов и государств в *Европейском Междуморье*, образованном сушей, окружающей *настоящие моря*, а не условные прибрежные акватории Мирового океана. Все такие моря на планете сосредоточены именно в указанном регионе.

Мы являемся Восточной ветвью европейской цивилизации Междуморья, полностью сформировавшейся на пространстве, практически совпадающем с Россией в её прошлых, настоящих и будущих границах. Западная же ветвь европейской цивилизации, имевшая общие с нами корни, шла путями, всё более расходящимися с нашим, – и сегодня рвётся последняя связь между нами, **окончательно утрачивается то общее в понимании человека, с которого и начиналась европейская цивилизация как таковая**. Это результат цивилизационного кризиса Запада, признанного западной мыслью уже в начале XX века, очевидным его проявлением стала непрекращающаяся Мировая Война, в ходе которой мы видим стремительное нарастание массовых настроений, не оставляющих нам, русским, права на существование.

Главной причиной этого кризиса стало глобальное распространение капитализма, ставшего модернизацией и переоформлением рабовладельческого строя для нужд промышленного производства в условиях господства научного знания. Новые рабы – рабочие и население колоний (в том числе любые крестьяне) – были полностью подчинены господству *наций* – общественных субъектов, объединяющих «избранных богом». Этот «бог» больше не был Богом, переопределённый протестантскими, а потом и человекобожескими ересями, захватившими духовную сферу Запада и отобравшими её у Папы Римского. Никто не говорил о «Свободе» больше, чем Запад, построивший новое и куда более бесчеловечное рабство – где человек порабощён человеком не напрямую, а посредством экономического порядка, при котором рабы содержат себя сами и вынуждены искать хозяина. Низвергнутое буржуазными революциями государство – единственный социальный институт защиты человека, – тоже было превращено в машину, а его бесчеловечность, бездушность провозглашена гарантией «Равенства». Такой строй сделал возможным и нужным механизированное, «индустриальное» уничтожение десятков миллионов людей. Что и произошло в ходе мировых войн – да и не только. Господство наций не должно было иметь пределов – и национализм, как ведущая идеология национальных⁴ государств Запада, дошёл до своего логического предела – нацизма. Тот же объединил всю Европу и пошёл в крестовый поход на русские земли. Он говорил о необходимых рабах уже без каких-либо оговорок и маскировок вроде «Свободы» и «Равенства». США пользовались рабством открыто до второй половины XIX века, а в замаскированной форме – пользуются по сей день, что составляет суть расизма как ведущей политэкономии американского общества.

Именно мы, Восточная Ветвь цивилизации Междуморья, взяли на себя тяжесть исторической работы по преодолению нового рабства, по созданию порядка, не допускающего рабского положения человека, пусть даже в изощрённой и замаскированной форме. Мы пре-

---

⁴ А именно такими стали капиталистические государства, возникшие в результате буржуазных революций.

одолели буржуазную революцию как господство анархии. Мы возродили почти утраченное Западом государство как институт защиты человека, мы построили реальный социализм, который в результате неизбежной социальной конкуренции вынуждена была строить и Западная Европа – тем самым породив сам феномен «счастливой Европы» и «европейских ценностей», ведь европейский социализм был на порядок обеспеченнее ресурсами.

Нас упрекали – даже наши собственные социальные мыслители – в том, что советский социализм имеет много общего с феодализмом. Что обещанный коммунизм – утопия, а значит, как политическое обещание, является обманом. Но удивительным образом история СССР как раз опровергла гитлеровские обвинения в том, что именно социализма большевики не построят и строить не будут, а станут продолжать коммунистические эксперименты, в действительности закончившиеся вместе с военным коммунизмом к 1920-му. Подлинная программа большевиков заключалась в массовом подъёме всего народа к культуре и городской цивилизации, что было сделано и стало основой советского государства. Да, в масштабном историческом смысле социализм есть модернизация феодализма как строя. Строя, представления о котором радикально искажены исторической идеологией и историографией капитализма. Западная схема истории представляет так называемые Средние века эпохой мракобесия и всяческого угнетения. Неудивительно – ведь капитал утверждался, разрушая феодальное государство. Однако именно этот «проклятый» период создал представление о государственной морали, о чести и этическом кодексе служения, о личной ответственности Государя. Что получило фундаментальное развитие в русской государственной этике, которая с момента создания русского государства (свободного от территориальной раздробленности, характерной для Запада) сразу была имперской: обосновывала служение Государю и России, а не местному феодалу.

Мы наивно полагали, что пути нашего социализма и социализма Западной Европы исторически сойдутся к общности, которая позволит установить мир на нашем континенте, создать единую систему безопасности, а значит – и общие ресурсы хозяйственного развития, построить «Европу от Лиссабона до Владивостока». Мы не учли роли США, которых такое историческое будущее совершенно не устраивало. Не говоря уже о том, что в США не возникло никаких элементов социализма: страна продолжала идти по пути капиталистического рабовладения и получила гигантский ресурсный допинг, переложив на плечи союзников затраты на своё дистанционное участие во Второй мировой войне.

Мы многое сделали для сохранения отношений с Западом. Мы предложили ему не теоретический, договорный, а практический мир, добровольно, по собственной инициативе и в одностороннем порядке пересмотрев в пользу Запада устройство мира и Европы, оформлявшее результаты нашей Победы над германским нацизмом в 1945 году. Но русская добрая воля была принята за признание поражения, и Запад взял курс на окончательную ликвидацию России.

Запад не принял нашего решения его собственной проблемы и вернулся – под руководством США – на путь создания нового рабовладения. Делается всё, чтобы окончательно превратить человека в изготавливаемую машинами вещь, лишив его даже природной половой принадлежности. Человек не должен знать, что он раб. Или должен согласиться быть рабом, поскольку сам сможет иметь рабов. Мы не примем такого порядка. И, видимо, в этой точке рвётся наша последняя связь с Западной Ветвью – общая Надежда на сохранение Человека.

Сегодня рассеиваются последние русские иллюзии в отношении Запада, его способности хоть к какому-то партнёрству и обмену. Европейские цивилизационные начала, необходимые нам и входящие в нашу сущность, мы теперь должны и можем воспроизводить, полагаясь исключительно на самих себя, на собственную судьбу. Запад отошёл настолько далеко от тех общих корней, которые позволяли поддерживать наше цивилизационное общение, что оно становится невозможным. Нам нужно ясно осознать европейскую составляющую своей иден-

тичности как русскую, обладающую собственной историей и принадлежащую русской цивилизации в силу её происхождения и развития.

Последнее, что мы можем дать Западу, – это сохранение его наследия, от которого он так решительно отказывается. Мы сохраним память о нём в своей культуре.

Так закончится наше многосотлетнее *сродство*, бесспорность которого подтверждается тем, в каком значительном объёме Запад усваивал русскую культуру как свою собственную, как он узнавал в нас самого себя – совсем не так рассматривались Западом Индия, Китай, Япония – социумы по-настоящему внешние и чуждые ему. В этом состояла возможность нашего взаимопонимания – ныне постепенно утрачиваемая, тут же кроются и причины страха перед нами, и способы внутреннего воздействия на нас – через общие смыслы и связи.

Время Обмана

Западному обывателю было приятно считать «русский вопрос» уже решённым. Нет русских, нет больше никакой России. Наконец-то... Ликвидация северного монстра (нас с вами) из стратегической задачи политиков превратилась – как казалось в 1990-е и 2000-е годы, в тактическую цель западного бизнеса. Политики почивали на лаврах. Мюнхенскую речь Владимира Путина в 2007 году они не расслышали. Слов не разобрали. То, что Россия не только сохранится, но и восстановит свой суверенитет, что её не устраивает господство над миром одного гегемона, показалось западным политикам смешным.

Предполагалось, что, как в 1985–1991 годах, мы всё сделаем сами, своими руками. Сами доразворуем, отдадим, полностью и окончательно сдадимся на милость победителя. Далее на пространстве бывшей России воцарился бы хаос из десятков карликовых «демократий», который должен был стать источником пропитания для пусть и уставших, но «цивилизованных» западных стран, а также жерновами для перемалывания органической составляющей России – многоэтнической имперской общности русской цивилизации, то есть собственно русского народа как семьи народов, говорящих на русском языке и желающих жить вместе.

Этого должно было бы хватить, чтобы занять Западную Европу освоением наших останков на ближайшие двадцать лет. Ведь США нужно что-то дать континентальному Западу взамен на превращение его в собственную колонию. У рабов должны быть собственные рабы – таков американский проект дальнейшей модернизации рабовладения. Это не должно было допустить объединения Старого Света в целом и перезапуска материнской цивилизации. Этот проект давно переключался из высоких кабинетов и тайного закулисья в контекст и подразумеваемое содержание общенародного западного «демократического» дискурса, стал общим местом.

Таков общий знаменатель всех западных избирательных программ, главное политическое обещание США XXI века: с русскими покончено, они уже не поднимутся.

Так ли это? Ответ на этот вопрос зависит от нас, от нашего исторического самоопределения. В 1990-е годы – и несколько позже – мы точно колебались по-гамлетовски: быть или не быть? Но ответ был дан. Быть. И тут наша судьба расходится с судьбой Гамлета, с западной судьбой.

То, что для западного обывателя – поощряемое гегемоном заблуждение, для нас прежде всего обман и самообман. Обманывают, когда не могут взять силой. И когда клиент «сам обманываться рад» – что будет «дружба», что мы будем «как все», что будет «изобилие». Что всё, что мы до этого вполне обоснованно считали правдой, – якобы неправда. И наоборот. Что у нас будет всё, и ничего нам за это не будет. И делать ничего не придётся – только поверить. Что можно расслабиться наконец.

В СССР ложь Запада, адресованная нам (и, разумеется, самому себе), была предметом разбора для многочисленных государственных учреждений, назначенных разоблачать «буржуазную фальсификацию истории». И они свою работу худо-бедно делали. Однако что для учёного аргумент, для обывателя – ничто.

Но дело не только в уровне грамотности. Мы были самой образованной, в том числе и политически, страной в мире. Однако наш собственный красный царь, Государь – Генеральный секретарь ЦК КПСС, а позже первый и последний президент СССР – в ложь не только поверил, но и, по Владимиру Высоцкому, «безжалостно усилил» её, довёл до предельно простых и общих, понятных формулировок, сделал предметом всеобщего соблазна, сомнения и обсуждения. Вот тут и выяснилось, что остановить его некому и нечему. Официальная «наука» ничего не смогла противопоставить этой лжи. Да и что может сказать давно уже не наука, не философия, а «экспертиза», как её теперь называют, сервис, выполняющий заказ? И в «анде-

граунде» мыслителей не оказалось. Все самозабвенно бросились работать на «перестройку» и «демократизацию», а потом – на «рынок», «собственность», «экономику»...

Обман, как известно, наиболее эффективен и побеждает там, где у обманутого в принципе не было и не могло быть своего понимания, знания. Что и случилось с нами.

Знание своей Судьбы

Что должно запустить наш иммунитет против лжи? Что мы должны понимать, чтобы выстоять сейчас и в будущем? Прежде всего, необходимо знание о самих себе, о своей судьбе, своём историческом пути. Кто потерял себя, потеряет всё – и свою страну в первую очередь. Будет утрачена логика жизни, её целостный образ, её «гештальт». А с ней и достоинство, самоуважение – чувства, которые мы переживаем, когда идём по начертанному пути, *когда знаем, что должны*, – чувства, которых нам сегодня очень не хватает.

Картина мира, в которой мы могли бы увидеть себя и свой путь, была разрушена. Представление о том, что мы живем в какой-то никогда не существовавшей «новой России», есть, по сути, отказ от судьбы как таковой, а следовательно, и от своей человечности. За словами о «новой России» не было никакой определённости, а значит, не могло быть вектора воли, энергии исторического действия.

В прошедшем столетии мы дважды испытывали на собственной шкуре, что такое разрыв преемственности – и живой исторической памяти, и исторического знания, и понимания смысла истории, – в 1917–1921 годах и 1985–1991 годах. Так что мы рискуем и не вспомнить, кто же мы такие и откуда. Этого нельзя допустить. Это и есть реальная гибель. Мы обязаны опомниться, сшить разорванную ткань нашей исторической судьбы.

Сама постановка вопроса о собственном пути России наталкивается на яростное сопротивление всех её внешних и внутренних врагов. Решительно отрицается необходимость творческого, проектного отношения к человеческой жизни. Отрицается, что жизнь каждого может и должна иметь свой замысел, своё назначение, свой план. В последнее тридцатилетие мы непрерывно слышим призывы: «Давайте, наконец, просто жить!», «Жить можно и нужно тихими радостями!», «Хватит мучить себя великими целями!» и т. п.

Ничто не ново под луной... Ещё в позапрошлом веке А. П. Чехов в письме Суворину (от 3 декабря 1892 года) писал по поводу идеологии «жить для жизни»: «Это философия отчаяния. Кто искренне думает, что высшие и отдалённые цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях “вся наша беда”, тому остаётся кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука».

Бессмысленная в полном смысле слова жизнь человека – без сверхзадач и идеальных установок – скучна, никчёмна и подлинной человеческой жизнью не является. Человеческая жизнь больше, чем биологическое существование. Жизнь вне горизонтов идеального – путь к расчеловечиванию и неизбежному вырождению. Это верно как для отдельного человека, так и для народа в целом.

У каждого народа есть, как и у человека, своя Судьба. Свой «многопоколенный» цикл от рождения до смерти. Судьба – это задание: что мы, все вместе, все поколения должны сделать, сделать вовне, сделать из себя. В головах же отдельных личностей это задание может присутствовать какими-то частями, аспектами, фрагментами. Но важно, чтобы оно **было**, в том или ином виде, важно *личное* отношение к этому предназначению, прикрепление к нему. Отношение к своей судьбе не может быть внешним, как к солнцу, которое восходит и заходит.

Знание своей судьбы до тех пор, пока оно присутствует в жизни народов, позволяет им сохраниться. Им есть что защищать по самому большому счёту: свою мечту, своё предназначение, возможность прожить собственную, а не чужую жизнь. Это и есть основа солидарности ныне живущих с предками и потомками. Для отдельного человека судьба народа и цивилизации – тот предельный объём жизни, в котором он может мыслить себя участником. То, что задаёт ему уровень личностного становления: что он возьмёт на себя – в рамках исторической судьбы. Поэтому очень важно, чтобы смысл нашей судьбы был явлен с той степенью ясности, которая возможна сегодня.

Усилие понять свою судьбу направлено не столько на обстоятельства своего рождения и на материальную составляющую жизни, сколько на то, в чём мы участвуем и в качестве кого. Что нам предстоит сделать, что мы можем и должны взять на себя. Полагание своего пути – не произвол, не вымысел, не фантазия.

Судьба опознаётся как *должное*. Кажется, что это парадокс: с одной стороны, судьба, бесспорно, творческий акт – никто вроде нам приказы сверху не спускает, мы сами в меру своего понимания и воображения полагаем себя и свою судьбу. А с другой – иметь судьбу возможно, только если мы относимся к своим действиям как к должному. Исходим из того, что не только мы являемся авторами своей судьбы. Есть ещё и Тот, перед кем придётся держать ответ как за своё понимание/непонимание, так и за исполнение задания, которое мы должны свободно принять. Свободно, потому что мы вольны и уклониться от него. Но тогда жизнь пройдёт зря, впустую.

Свобода заключается в том, чтобы понять свою судьбу и подчиниться ей вопреки обстоятельствам и соблазнам. Свобода – в следовании своему пути, а не чужому. Свобода в том, чтобы быть тем, кем – в соответствии с пониманием (откровением) – нам начертано. Поэтому полагание пути есть одновременно и полагание себя, решение подчиниться судьбе, решение быть кем-то определённым. Это не выбор. Ведь путь тем и определяется, что неизвестен заранее, что его надо отыскать. Всё об этом сказал и спел Владимир Высоцкий в «Чужой колее».

*Сам виноват: и слёзы лью, и охаю —
Попал в чужую колею глубокую.
Я цели намечал свои на выбор сам —
А вот теперь из колеи не выбраться.
...
Расплеваться бы глиной и ржой
С колёй этой самой – чужой!
Ведь тем, что я её сам углубил,
Я у задних надежду убил.
Прошиб меня холодный пот до косточки,
И я прошёл чуть-чуть вперёд по досточке.
Гляжу – размыли край ручьи весенние,
Там выезд есть из колеи – спасение!
Я грязью из-под шин плюю
В чужую эту колею.
Эй вы, задние, делай как я!
Это значит – не надо за мной.
Колея эта – только моя,
Выбирайтесь своей колёй!*

Помогать нам в историческом самоопределении никто не будет. Наивно думать, что Запад протянет нам руку – навстречу протянутой нами. Запад, возглавляемый США, имеет единственную историческую задачу в отношении нас – колонизацию и подчинение. Эту задачу не решить без радикальной системной деградации нашего социума и территории – культурной, хозяйственной, гуманитарной. А для этого, прежде всего, мы должны как раз забыть, кто мы, потерять дорогу к себе. Но мы можем использовать Запад для самоопределения в истории – поняв разницу между ним и нами.

Кое-что можно сразу сказать о наших путях в отличие от путей Запада на сегодняшний день. Запад окончательно определил себя «ценностями». То есть тем, что имеет цену и предназначено измерять цену всего остального. Это путь ветхозаветных людей, поклоняющихся

Золотому Тельцу. «Где твоё золото, Моисей?» – вопрос западника, звучащий и сегодня. Мы же – наследники идеалов, сущностей, находящихся в *идеальном* мире, а не в мире *вещей*. Они цены не имеют, и ими не оценишь товары. Мы – люди Нового Завета, мы знаем, что жить должно ради идеального и в идеальном, что только в такой жизни осуществляется судьба человека.

О «конце Истории»

Следует сказать, что отказаться от своей судьбы принуждают не только нас. Запад системно уничтожает представления о самой возможности исторического существования и самой возможности быть человеком.

Заявления и рассуждения о конце Истории имеют совсем другое значение, нежели приписываемое им окончание противостояния коммунизма и капитализма, тоталитаризма и демократии в связи с победой последней – и (об этом молчат) превращением её в тоталитаризм.

Если история закончилась, то и человеку/человечеству теперь не нужно вникать в исторический смысл и значение своего бытия. Сам вопрос «откуда мы и куда идём?» упразднён: больше никто и никуда не двигается. Все вопросы о назначении человека и смысле его существования упразднены: больше нет ни замыслов, ни планов. Не за что биться, нечего отстаивать, некуда стремиться, не с кем бороться. Нет больше смысла в Человеке, нет больше в мире места для личности и поступка. А заодно – как удобно – совершенно не важно, что было в прошлом. Ведь и прошлого больше нет. И можно выдумывать любые небылицы, даже не скрывая этого – ведь то, что было, больше не имеет значения. Процессы прекратились, изменения остановились.

Всё это, конечно, наглая ложь. Ложь, призванная лишить конкурентов и «партнёров» воли и энергии идти своим путём. Так внедряется новый принцип социального устройства мира, в котором есть те, кто понимает, что такое История, знает свою историю – они и будут господствовать и править; и есть те, кто почему-то окажется неспособным к историческому самоопределению из-за того, что их убедили в «окончании» Истории.

Новые иерархии господства будут строиться не только из людей, но и из стран, государств, регионов. Возможно, в отведённом кому-то месте в новой иерархии (которая политкорректно называется «системой разделения труда») будет поначалу вполне комфортно, но потом всё равно придётся быть съеденным в новой пищевой цепи.

Пропаганда «конца истории» идёт на Западе вполне успешно. Такая интеллектуальная функция, как понимание, у современного человека в силу кажущейся ненужности атрофируется. Современный западный европеец не только не понимает своего прошлого, но уже и не знает его, а значит, он не может понять и того, что с ним происходит сейчас, не говоря уже о том, каким он видит возможное и желаемое завтра. И самое главное – он даже не подозревает о «преднамеренном» происхождении всех своих представлений. Неизбежное в скором будущем радикальное обрушение привычных структур повседневности и радикальное снижение уровня жизни (которые уже начались) станут для него фатальными.

Об оптимизме

Потеря судьбы, исторического самосознания с неизбежностью приводит к разрушению всего строя жизни. Всё теряет смысл. В отличие от животных мы живем не только сиюминутной жизнью, нам важно постичь замысел. Знание исторической судьбы – основание для целеполагания и проектирования. Без него будем топтаться на месте, рассеиваться, уходить в себя, дичать.

Вместе с тем не стоит излишне драматизировать западный кризис – мы пережили в недавнем прошлом наш собственный кризис и ещё далеко не полностью вышли из него. Потеря ориентиров – ситуация штатная, регулярно повторяющаяся и вполне преодолимая. Надо лишь совершить новый акт самопроектирования и самостроительства.

Момент для этого вполне подходящий. В каком-то смысле раньше делать такую работу было преждевременно. Ход истории принципиально отличается от законов мира деятельности. Никакие волевые усилия, никакие новые представления без сложившихся определённых социальных условий в масштабе страны не могут повлиять на исторический процесс. Всем нам надо было распрощаться со многими представлениями советского периода и успеть разочароваться в представлениях либерально-рыночных, перестать ими *соблазняться*.

А вот теперь работа по восстановлению наших исторических судьбоносных ориентиров вроде бы становится наконец-то осмысленной и своевременной.

Эта книга написана с позиции социокультурного оптимизма. На самом деле у нас есть всё для того, чтобы остаться людьми и жить подлинной человеческой жизнью. Пора освободиться от навязанных комплексов неполноценности, забыть их, как дурной сон. Мы крепко стоим на собственных ногах, нет никакой нужды жить под кем бы то ни было. Нам есть что отстаивать. Ничто не предрешено. Мы обязаны вернуть себе историческое достоинство.

На основной магистрали

Если для человека время его жизненного пути измеряется столетием, то для народа и цивилизации счёт идёт на тысячелетия. Воланд у Михаила Булгакова в «Мастере и Маргарите» задает Берлиозу вопрос: *«Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишён возможности составить какой-нибудь план, хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?»*

Воланд, как, впрочем, ему и положено, слукавил. Вообразить план («замысел», «программу») жизни на несколько тысяч лет, охватывающий как прошлое, так и будущее, является вполне умопостигаемой задачей. Более того, если мы относимся к западному кризису как к кризису воспроизводства основ европейской цивилизации, а не её отдельных частных элементов, то масштаб рассмотрения и должен быть соразмерным всей её истории.

Вот первый вопрос: когда начинается наша история? Может быть, она начинается не с момента нашего рождения как народа – крещения Руси князем Владимиром – и тем более не с рождения нашего государства – от прекращения междоусобных войн и объединения государственной территории Иваном III Великим до радикального расширения её и подчинения трёх ханств Иваном IV Грозным? Ведь сама возможность Крещения – это приход в мир Иисуса Христа, потом – становление мирового христианства и православия. А создание русского государства сразу как империи – продолжение ойкуменической⁵ идеи Аристотеля, вдохновлённого им Александра Македонского, Древнего Рима и Византии.

Получается, что история наша началась задолго до нашего рождения. Если ты участник исторической эстафеты, то нужно восстанавливать не только тот фрагмент пути, на котором ты включился в состязание, но и весь «забег» целиком. Только так можно понять, откуда и куда идём. Каждый участник эстафеты отвечает и за свой этап, и за результат в целом.

Если мы хотим знать свою судьбу, нам нужна не просто история России, нам нужна русская версия европейской истории в целом. От древних греков до наших дней. Надо рассматривать и понимать себя как самостоятельных участников европейского цивилизационного процесса. Как тех, кто несёт в себе замысел европейского пути в его полноте – от старта до финиша. Этот замысел может вести не одним путем. Мы *по-своему* воплощаем цивилизационное целое и отвечаем за него. Русская реализация европейской истории существует, является одной из её столбовых дорог. Надо разобраться в особенностях русского пути европейской цивилизации.

Что мы взяли на себя? Что и у кого мы наследовали? Что из этого наследства должно быть сохранено и приумножено? Какие европейские проблемы мы призваны разрешить? А какие – нет? Точно так же нам надо «русским взглядом» увидеть историю наших партнёров по цивилизации, выработать к их истории своё русское отношение. Мы не должны повторять их путь, в том числе и потому, что он, похоже, ведёт к гибели.

Для этого придётся определить полюса, к которым тяготеют различные цивилизационные ветви Междуморья. Нам придётся различить Запад и Восток европейского пути. Западный полюс европейской цивилизации – это Рим. Мы же принадлежим восточной линии европейской истории, проходящей через Византию.

Собственно, осознание восточной линии и её продолжение должно стать целью русского урока истории. Византия не была империей, стремящейся к завоеванию мира – колониальной империей, построенной на рабстве. Она была подлинной империей, реализацией аристотелев-

---

⁵ Ойкумена, от греч. οἰκουμένη – «заселённая [земля]». Первоначально (у Геродота) слово обозначало просто «круг обитаемых земель». Термин использован Аристотелем для обозначения пространства, населённого людьми, демонстрирующими «единодушие» – ὁμόνοια – общность языка, мировоззрения и образа жизни. Был взят на вооружение Александром Великим как обозначение цели его походов. Самый ранний прототип современного термина «цивилизация».

ского проекта ойкумены средствами более действенными, нежели поход Александра Великого. Продолжатели этого проекта – мы. Наша империя существует ради поддержания мира внутри себя, недопущения превратностей какой бы то ни было войны к народам, её образующим.

Как близкие соседи и родственники мы были связаны с Западом многочисленными нитями постоянного культурного обмена, экспорта/импорта проблем и достижений. Мы пережили практически все существенные моменты западной исторической судьбы, но в иной, нежели сам Запад, исторической аранжировке. Последнее как раз и делает нас не-Римом. Эта инаковость переживания западных проблем даёт нам возможность отнестись рефлексивно и критически к течению западной истории.

Последние сто пятьдесят лет русского прошлого позволяют понять тысячу лет истории Запада, скрытую и замаскированную западной идеологией. Революционная Россия всего XX века – это зеркало, в которое Запад заглядывает с ужасом, различая в нём свой подлинный образ, видит глубину своего падения – как уже свершившегося, так и ещё предстоящего, осознаёт возможность и цену решения и отворачивается от увиденного. Мы пережили в самих себе проблему Запада, неразрешимый для него кризис. Но мы не тождественны Западу. Поэтому мы сможем преодолеть этот кризис, возродиться и выработать иммунитет от болезней Запада.

К финишу западной линии кризиса мы пришли вместе с Западом и опережая его. Конец западноевропейской линии истории означает неизбежный хаос, а в нём – новое начало, которое можно и нужно сделать русским.

Постмарксистский взгляд на историю

Что является содержанием исторического процесса? Исторический процесс следует представить таким образом, чтобы открывались возможности для действия. Само историческое знание уже должно нести в себе ответы на вопрос «что мы должны делать?»

Тут ничем не могут помочь представления об историческом процессе как о последовательности неких событий, расположенных на оси времени, или чередой изменений нашей страны и государства. Простое описание территориальных потерь и приобретений, изменений в социальной организации, перипетий власти и т. п. не содержит подсказок для проектирования своего будущего. Всё это лишь материал, требующий критики и организации его в знание.

Задача исторического творчества вынуждает нас по-особому ставить вопрос о действительности исторических процессов. Да, мир, как призывал Маркс, надо не объяснять, а перестраивать. Но как для этого представлять его? В каких категориях его надо мыслить с позиции исторического творчества?

По сути, сам Маркс остался в рамках гегелевского «естественноисторического» представления об истории как производящей силе (такой же, как «Бог» и «Природа»). Некие объективные противоречия двигают процессы в этом мире (например, несоответствие уровня развития производительных сил производственным отношениям), и человеку остаётся только следовать этим историческим «законам». В своей практике Маркс стоял на позициях целевого исторического действия, но исторические процессы при этом он описывал в естественных и внечеловеческих категориях, не адекватных этой позиции. Маркс как социолог решил открыть при помощи научного метода законы истории и это знание применить для изменения общества. Следует отметить, что методологически тот же подход разделяли создатели расовой теории, считая, что исследуют законы исторического процесса, в котором именно расовые отношения и борьба, а не противоречия производительных сил и производственных отношений определяют исторические изменения.

Суть постмарксистского взгляда состоит в том, что главным, «осевым» историческим процессом является процесс воспроизводства человеческой деятельности и развитие культуры, что люди сами ответственны за то, что и как воспроизводить. Существует только то, что воспроизводится. Мы воспроизводим себя и условия своего существования, наши социальные конструкции, смыслы, образы себя и материальные обстоятельства своей жизни. Говоря иначе, мы продолжаем дела своих отцов и дедов, но это мы обязаны решить, как и в чём именно должно состоять продолжение.

Условием полноценного воспроизводства является осознание людьми этого процесса и своей роли в нём. Нам необходимо отвечать на вопрос, что мы будем обязаны воспроизводить в следующем историческом цикле. Что из того, что имеем, что является нашим наследством, мы должны *сохранить* и продолжить? А что будем *развивать*, то есть воспроизводить с внесением качественно новых элементов, закрепляя новое в культуре? Мы задаём эти вопросы с позиции ответственности за социальное и культурное целое, сохраняющее человека. Это значит, что нам надо всю общественную практику представить как живое единство: изменяемый, рукотворный и конструируемый человеческий мир.

В противоположность этому как марксистские, так и расистские практики применения к социуму научного подхода (эксперимента над материей и «естественного закона») превращают человеческий мир в мёртвый материал. Действующий на этот материал научный субъект не несёт никакой ответственности, он ведь себя исключил из «объекта» целиком и полностью. Он «свободен», он – сверхчеловек, бог, господин всего, что охватывает его знание. Не только над природой, но и над людьми – нужно лишь превратить их в научный объект. Применение научного знания к историческим изменениям общества позволяет организовать и оправдать мас-

совую гибель людей. Между тем любая действующая персона сама включена в ту целостность, на которую воздействует. Именно поэтому знание о самом себе как действующем лице – то есть собственно историческое знание – является обязательным элементом знания об обществе и его изменениях. С другой стороны, создать проект себя и план своего пути означает ответить на вопрос о содержании очередного воспроизводственного цикла и предстоящих шагов изменения социума. Деятель включает самого себя в картину мира. Научное разделение на субъект/объект для этого не годится – приходится строить картину мира на основе категорий мышления и деятельности в их системном единстве.

Почему именно мышления и деятельности? Нам нужно действовать и мыслить, обгоняя наших партнёров-врагов. Мысль управляет действием и организует его. ***Мышление и построенная на его основе деятельность – главное, универсальное оружие.***

Поэтому нам нужно вскрыть генезис основных «единиц» общественной практики: в каких ситуациях и для решения каких проблем возникали те или иные идеи, методы, модели? Как они реализовались, какие трансформации, метаморфозы и мутации в новых условиях и обстоятельствах претерпели? Какие новые проблемы возникли в процессе их практического применения? Какие изменения нужно привнести в практику, чтобы продолжились Жизнь и Его Творение? Именно в таком контексте нам надо разобраться с «капитализмом», «социализмом», «революциями», «рынком», «демократией» и прочей, по большей части, латынью.

Мы заново должны продумать все мыслительные и деятельностные ходы европейской истории. Всю её считать своей. Превратить её в живую и актуальную способность мыслить и действовать. Например, исторический опыт социалистического строительства ввести в состав нашей политической и управленческой квалификации. Причём не только советский опыт, но и западноевропейский, и китайский, и кубинский, и северокорейский. Только так в своих действиях можно стать соразмерным историческим процессам.

А с другой стороны, необходимо остро чувствовать и ясно осознавать, что же в нашем наследии и распоряжении есть такого, без чего нам ни выжить, ни развиваться не получится. Что нужно взять с собой в будущее. Что должны хранить, а значит, воспроизводить и развивать как свой важнейший ресурс.

Часть 1

Кто мы

Урок 1. Наша религия

Решительно невозможно быть кем-то и ни во что не верить. Так что первое знание о себе, необходимое нам, – о нашей вере, её судьбе, её исторической драме.

Научная идеология требует отказаться от всякой веры. Бертран Рассел в основополагающей для Запада идеологической работе «История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней»⁶ в первых строчках основного текста аксиоматически противопоставляет науку и религию, рассматривая философию как «ничейное» пространство между ними. То есть можно совершить радикальный выбор в пользу науки, переплыв в правильном направлении «философский океан» неопределённости, и прибыть из интеллектуального Старого Света в Новый Свет. В еретическом тезисе Ницше «Бог умер» содержалась трагедия. Шпенглер видел в утрате порыва к высшим началам и культурному творчеству «Закат Европы»⁷, смерть, конец. А у таких «приплывших» западных идеологов уже и драмы никакой нет: Бог – это заблуждение, а заблуждения комичны, хотя и обходятся человечеству дорого.

Вот чем мы отличаемся – русская вера жива. Десятилетия атеистической политики, которая была призвана освободить место Бога для Человека, привели к противоположному эффекту.

Даже в области познания невозможно изгнать всякую веру и основываться только на опровергаемых представлениях, как это предписывает наука. Ещё в 60-е годы XX века в методологии науки было показано, что в основе науки Нового времени лежит совокупность способов получения и организации знания (называемая её *парадигмой*), молчаливо принимаемых – по существу, на веру – всем сообществом ученых. А успехи в развитии и применении науки обусловлены способностью этого сообщества парадигму менять – отказываться от прежней веры – при обнаружении явлений, не поддающихся пониманию и/или описанию в рамках прежней парадигмы. Да и в области идеологии наука в действительности меняет одни символы веры на другие – приемлемые для современного сознания. Так что знание растёт (строится), опираясь на веру, определяющую форму его существования. Без этой опоры рассыпается любая конструкция знания. Человек же, действительно отказавшийся от веры (значит, и от знания), приходит туда же, куда и Сократ: «Я знаю лишь, что я ничего не знаю».

С другой стороны, вера в высшие начала, которую называют религией в традиционном смысле, не могла бы существовать тысячелетиями, если бы в её ядре не было подлинного знания о Боге, о Высшем Начале, открытого для тех, кто причастен к подлинному религиозному опыту – Откровению, а также к традиции передачи этого знания⁸. Наиболее радикальный взгляд на появление религии связан именно с пониманием неизбежных трудностей трансляции такого знания сквозь время, с неизбежным замещением ядра знания ореолом и оболочкой веры. Впрочем, эта проблема сопровождает любое знание на каждом шагу. Разве в школе мы не принимаем на веру практически всё, что сообщает учитель – как в гуманитарном курсе,

---

⁶ История западной философии / Ред. В. Ф. Асмус, пер. А. Н. Чанышев и др. М: Изд-во иностр. лит., 1959. Широкой публике, впрочем, более известна другая его работа, говорящая сама за себя: Почему я не христианин. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – *Примеч. ред.*

⁷ В оригинале: *Der Untergang des Abendlandes*, то есть «Погибель Западного мира». – *Примеч. ред.*

⁸ См. Идеология русской государственности. С. 717–718.

так и естественнонаучном? Да и воспроизведение при обучении самого процесса получения научного знания нужно именно для обоснования доверия к такому знанию (то есть веры)⁹.

Поэтому мы говорим здесь о вере не как о религиозном чувстве, субъективном переживании, а как об объективном и необходимом способе включения человека в культуру, цивилизацию, историю, способе, вне которого такое включение либо неполноценно, либо невозможно вообще. Вне которого нет собственно человека.

В конечном счёте мы есть то, во что мы верим. И лишь отчасти – то, что смогли узнать сами. Наша вера устанавливает пределы нашей способности следовать судьбе (порой совсем иначе, чем обещано самой верой). Без веры мы никто.

Мы включились в доминантную веру европейской цивилизации Междуморья тем же способом, что и Древний Рим – путём принятия веры в Христа в качестве государственной религии.

Христианская революция

Христианство стало революцией в человеческой культуре. Христианство объяснило догадки о человеке, содержащиеся в иудейской и греческой традициях, других религиях. Критики христианской веры на этом основании говорят, что в христианстве нет ничего нового. Но вот что новое произошло – единый и невидимый Бог (иудеев), который есть Слово и Истина (греков), воплотился в человеке, показав ему тем самым реальный путь к божественному существованию. Произошла реальная встреча Бога с человеком. Человек получил возможность разговора с Богом, стремления к Богу, спасения в Боге, а не просто служения Ему. Эта революция определила до того неясное ещё у Платона отношение человека к идеальному, обосновала, собственно, смысл существования человека – греки этого сделать не смогли. Теперь человек не просто должен исполнить Закон как если бы он был подобен римскому праву или обычаю. Человек должен понять, что это Божественный Закон, и его исполнение – бесконечный путь к идеалу, последний – и бесконечный – шаг, который можно сделать только с Божьей помощью, если следуешь Божьей воле. И этот путь открыт Христом каждому. **Каждый может стать человеком.** И именно этот человек, одушевлённый и знающий о своей душе человек, стал жить и действовать в Истории. До христианства никакой Истории не было и быть не могло. Спасительный подвиг Христа разделил бесконечное повторение одного и того же, закольцованное время, на прошлое Ветхого Завета и будущее Нового, разорвав порочный круг циклического, повторяющегося внеисторического бытия прежнего человечества:

*Что было, то и будет;
и что делалось, то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем.
Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»;
но то было уже в веках, бывших прежде нас.
(Еккл. 1.9-10)*

Христос прервал обреченность человека этому «вечному возвращению», последовавшие за ним могли с полным правом сказать:

*И увидел я новое небо и новую землю,
ибо прежнее небо и прежняя земля миновали.
(Откр. 21.1)*

Такая **возможность нового**, возможность кардинального изменения судьбы, совершаемого с упованием на Бога, но все же **собственными силами и по собственной воле**, полно-

---

⁹ Там же. С. 714.

стью меняла и жизнь человека наступившей христианской эры, и его жизнеотношение, и всю историческую перспективу человечества.

Всё это категорически не вмещалось в картину мира тогдашней эллинистически-римской цивилизации – а Запад, напомним, это и есть Рим. Понадобилась новая картина мира, которая и была создана в последующие 300 лет усилиями тех, кого мы называем Отцами Церкви и Вселенскими Учителями. Среди них первыми должны быть названы св. Климент Александрийский и последующие представители Александрийской богословской школы. Для этого им понадобилось соединить истины откровения, иудейской мистики, египетских мистерий с интеллектуальным инструментарием неоплатонической философии.

Христианством была открыта высшая сущность человека, благодаря которой он может участвовать в жизни и процессах идеального мира. Душа – в мышлении, в чувствах, не имеющих материального выражения. Уже греки обнаружили душу и получили доступ к миру идеального. Христиане же получили твёрдое знание об их существовании.

У идеального есть недостижимый центр, предел, к которому человек может двигаться бесконечно, – Бог. Любая идея в этой функции ограничивала бы мир идеального – с чем и столкнулся Платон, который так не смог определить Благо. Бог – создатель и средоточие идеального мира, принцип его единства, а через него и мира вещей. Бог делает возможными и необходимыми не ограниченные ничем синтез и гармонию. До Христа об этом знали только иудеи, сохранявшие древнее знание о высших началах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.